

СТРАДАНИЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА ¹⁾.

Страданія человѣчества, какъ фактъ. Смысль евангельскаго призыва къ успокоенію отъ злостраданій (Мѣ. 11, 28) и возможность такого успокоенія. Неизбѣжныя для христіанина страданія. Психологическая возможность примиренія съ страданіями и претворенія чувства страданія въ чувство радости. Извращеніе чувства страданія у фанатиковъ, сторонниковъ культа страданія и фаталистовъ. Отличительный характеръ извращеннаго чувства страданія и несходство его съ основными моментами духовной жизни страждущаго христіанина. Общее заключеніе.

Дѣйствительность почти всегда враждуетъ съ нашими идеалами. Жизнь, такъ заманчиво рисующая намъ иногда свѣтлыя перспективы, часто разбиваетъ самыя законныя, повидимому, желанія и на наши, повторяющіяся безъ конца и отдыха усилія и стремленія отвѣчаетъ нерѣдко цѣлою цѣпью неудачъ и невзгодъ, порождающихъ, въ свою очередь, рядъ страховъ и опасеній, которые отравляютъ радости жизни ²⁾. И конечно, каждый знаетъ, что время отдѣляющее насъ отъ вѣчности—это не легкій вѣтерокъ, который, игриво скользя и извиваясь, нѣжитъ и освѣжаетъ чело, но вѣтеръ сильный и порывистый, поочередно то жгущій, то леденящій насъ—буря, стремительно уносящая нашъ утлый чѣлнъ, подъ мрачнымъ, чернѣющимъ тучами, небомъ, сквозь ряды скалъ, ежеминутно грозящихъ крушеніемъ, такъ-что намъ часто приходится дѣлать принужденіе своей природѣ

¹⁾ Читано въ Москвѣ, въ залѣ Синодальнаго училища 30 Ноября, 1901 г.

²⁾ Безусловное утвержденіе того, что бытіе по самому существу есть зло, составляетъ исходный пунктъ пессимизма. Ср. Астафьевъ, „Страданіе и наслажденіе жизни“, выпускъ первый, Петербургъ, 1885 г. стр. 38.

и сгибать свою выю подъ непреложный порядокъ дѣйствительности, гнетущей ее ¹⁾. А тотъ фактъ, что въ жизни, въ мірѣ дѣйствительности мы очень часто вращаемся среди печальныхъ лицъ и долу опущенныхъ взоровъ ²⁾, именно и говоритъ намъ о томъ, что существуетъ много людей, которые готовы раскрыть близкимъ, какъ Іовъ друзьямъ, свою наболѣвшую душу и заявить вмѣстѣ съ нимъ о томъ, что ихъ страданіе, ихъ внутреннее состояніе терзаемаго невзгодами духа не всегда и не всецѣло выражается даже въ ихъ болѣзненныхъ стогахъ (Іовъ 24, 21). Для многихъ, поэтому, болѣзненный и беспомощный плачь, которымъ заявляютъ о своемъ вступленіи въ жизнь нарождающіеся индивидуумы, служить основнымъ тономъ всей ихъ послѣдующей жизни. Понятно, въ виду этого, давнее и правдивое сравненіе міра съ великою Голговою, на которой, съ одной стороны, царитъ распинаемая любовь, въ подвигахъ добровольнаго сомопожертвованія истекающая кровью ³⁾, а съ другой,—страдаетъ, всегда враждающая съ любовью, и неправда, какъ неразумный разбойникъ, нещущая облегченія въ своихъ мукахъ у Высочайшей Правды, принесшей на Голгоѣѣ величайшую жертву любви. И дѣйствительно, страданія человѣчества вообще — фактъ. Такъ называемыя неповинныя страданія—не исключеніе. Никто изъ людей вообще не покидалъ міра безъ страданій, которыя иногда, конечно, и претворялись для нихъ въ радость и рѣдкій, если только можно дѣлать исключеніе, изъ выдающихся дѣятелей не заплатилъ обычной дани мірской злобѣ и невѣжеству, потому что геній почти всегда обреченъ на страданіе. Словомъ, въ цѣломъ, исторія есть почти непрерывное жертвоприношеніе. На страницахъ ея постоянно отмѣчаются страданія, съ одной стороны, свѣтлыхъ личностей, которыхъ не любить міръ, признающій только свое (Ев. Іоанн. 15, 19 Лук. 6, 26), а съ другой,—порочныхъ. Страдаютъ за правду Златоусты, Дамаскины, не свободны отъ скорбей и разочарованные Вертеры, неумѣющие облагородить свою страсть

1) Ср. Навилль, „Вопросъ о злѣ“, перев. Протопопова, Москва. 1872 г. стр. 203—204.

2) Ibid., стр. 72.

3) Гейне, Алмазгоръ.

Отеллы, желающіе только всего или ничего и умирающіе на кострѣ байроновскіе Сарданапалы — эти угрюмые самообожатели, одержимые туманною, загадочной страстью къ преступленію.

И если въ цѣляхъ смягченія яркихъ красокъ мрачныхъ картинъ человѣческихъ страданій, которыя тщательно вырисовываются обыкновенно сторонниками пессимизма, психологи справедливо указываютъ на то, что человѣку знакомо не только чувство страданія, но и чувство радости и что недовольство, страданіе и отчаяніе рѣзче, энергичнѣе и страстнѣе, такъ сказать, ищеть себѣ формы выраженія ¹⁾, а потому, въ противоположность чувству радости, развивающемуся болѣе какъ-бы во-внутрь, вызываетъ въ зрителя и болѣе яркое впечатлѣніе ²⁾, то всѣ эти данныя не могутъ успокоить анализирующую мысль. И если бы человѣческихъ страданій было очень немного въ дѣйствительности, то и тогда-бы задумался надъ ними пытливымъ умъ человѣка, во всемъ доискивающійся причины, во всемъ пытающійся прозрѣть высшій смыслъ...

И если, далѣе, въ видахъ примиренія насъ съ страданіями указываютъ на общечеловѣческую, такъ сказать, родовую грѣховность людей, какъ на причину ихъ—съ одной стороны, и на великое значеніе спасающей насъ язвы праведниковъ (ср. пр. Исаи 53 гл. 5 ст.) ³⁾—съ другой, то и въ этомъ выражено еще не все потребное для удовлетворенія любомудрія христіанина. Правда, мы охотно принимаемъ „язву праведника“, если она спасаетъ насъ и не затрагиваетъ нашей личности. Но вѣдь каждый христіанинъ, призванный къ религіозно-нравственному совершенствованію, призванъ вмѣстѣ съ тѣмъ взять и нести *крестъ свой*. Что же, естественно знать, дѣлать намъ, если и насъ коснется тяжелая „язва“ и скорби, когда, по нашему суду, онѣ должны бы миновать насъ? Въ чемъ-то особенное настроеніе духа, которое помогаетъ намъ разбираться въ страданіяхъ и избѣгать однихъ и безболѣзненно, хотя, конечно, и не безъ

¹⁾ Сужденія по этому поводу можно найти въ психологіи, напр. Владиславлева, Вундта и др.

²⁾ Ср. Астафьевъ, „Страдан. и наслажд. жизни“, стр. 12.

³⁾ Ср. Вл. Никольскій, „Вѣра въ Промыслъ Божій“, Казань, 1896 г. стр. 47.

муки, нести другія, нести дотолѣ, доколѣ не исполнено дѣло (припомнимъ „совершилось“ Ев. Іоан. 19, 28), нести не только съ терпѣніемъ, но даже съ радостью? Какъ, какимъ психологическимъ процессомъ можно претворить чувство страданія въ чувство радости? Одна-ли логика, какъ совокупность доводовъ разсудка, учить насъ терпѣнію въ страданіяхъ, или же въ глубинѣ нашего духа можно найти нѣчто такое, что облегчаетъ намъ наше крестоношеніе?— Все поставленные нами вопросы имѣютъ глубокой жизненно-практической интересъ. Вотъ почему въ исторіи человѣческой мысли трудно отыскать такой моментъ, въ который можно было-бы не столкнуться съ печальными размышленіями о человѣческихъ страданіяхъ ¹⁾. Какъ и современный культурный человѣкъ, скорбь чувствовалъ и дикарь глубокой древности. Ею проникнута поэзія античнаго міра, гдѣ „доброе и спокойное міросозерцаніе гомеровыхъ пѣсень туманится очень часто скорбными размышленіями“ ²⁾, гдѣ процвѣтало драматическое искусство и гдѣ постигалась, слѣдовательно, трагедія жизни. Съ нею считались философскія системы древности-стоицизмъ и эпикуреизмъ, предлагавшіе своимъ послѣдователямъ разнородные рецепты, которые должны были умертвить чуткость сердца и тѣмъ самымъ спасти его отъ отчаянія и скорби... О ней, то есть о скорби, которая, казалось, широкою волною захватываетъ человѣчество, говорилось въ религіозномъ міровоззрѣніи индійской религіи въ буддизмѣ—въ этой колыбели пессимизма ³⁾ съ его стремленіемъ къ нирванѣ. Ею, этою скорбью, омрачены системы крупныхъ мыслителей, представителей пессимизма, Шопенгауэра и Гартмана. Ее любятъ воспѣвать, въ размѣрахъ своего міросозерцанія, поэты, романтики и элегисты, которые часто стараются достигнуть нѣкотораго эффекта ничтожными творческими средствами ⁴⁾. Съ нею считается и оптимизмъ, когда, прославляя жизнь для жизни, старается затушевать ея скорби. Задумывались, наконецъ, надъ смысломъ человѣческихъ скорбей и страданій ветхо-

¹⁾ Котляревскій, „Міровая скорбь“, Петербургъ. 1898 г. стр. IX.

²⁾ Котляревскій, „Міровая скорбь“, стр. IX.

³⁾ Ibid. Ср. Астафьевъ, „Страданіе и наслажденіе жизни“, стр. 37. примѣч.

⁴⁾ Астафьевъ, стр. 8; ср. стр. 43.

завѣтные праведники. Но вполне поняло, осмыслило, указало дѣйствительную причину и уяснило надлежащую цѣнность страданій въ религіозно-нравственной жизни чело-вѣка христіанство. Осудивъ апоѳеозу страданія и призвавъ людей къ крестоношенію въ цѣляхъ ихъ религіозно-нравственнаго совершенствованія, оно указало законность, съ одной стороны, *религіозно-философскаго отношенія къ дѣйствительности, а въ зависимости отъ этого и къ страданіямъ*, а съ другой,—возвѣстивъ, что для христіанина и въ скорбяхъ возможно радость, указало и иную *религіозно-психологическую точку зрѣнія на страданія*, подмѣтило и освѣтило, такимъ образомъ, особый законъ духовной жизни чело-вѣка—*законъ претворенія чувства страданія въ чувство радости*, которая, впрочемъ, для истинныхъ послѣдователей Христа должна быть напередъ опредѣлена не какъ суетная радость о жизни, но какъ радость о Господѣ ¹⁾. Въ уясненіи этой-то возможности двоякаго-религіозно-философскаго и религіозно-психологическаго отношенія къ страданіямъ мы и полагаемъ задачу настоящаго чтенія.

Христіанинъ часто слышитъ и рѣдко, по печальному нежеланію углубляться въ сущность христіанскаго вѣроученія, постигаетъ весь смыслъ утѣшительнаго призыва ко Христу, а вмѣстѣ съ этимъ и къ свободѣ или къ успокоенію (Мѣ. 11, 28) отъ злостраданій. Что христіанство облегчаетъ послѣдователей Христа отъ злостраданій—это положеніе безспорно. Но истина его, какъ положенія общаго, должна быть раскрыта и обоснована и примѣнимость его въ религіозно-практической жизни должна быть уяснена. Вопросъ о свободѣ отъ злостраданій, поставленный и рѣшенный въ христіанствѣ, не новъ въ исторіи чело-вѣческой мысли. Впрочемъ, мало заботившаяся о воспитаніи духовнаго чело-вѣка, языческая мудрость, полагавшая цѣль жизни въ удоволь-

¹⁾ Уже изъ этого общаго замѣчанія можно видѣть отличіе христіанскаго воззрѣнія на страданія отъ другихъ философскихъ системъ. Здѣсь не всѣ страданія отрицаются, а поэтому не всѣ они, такъ сказать, затушевываются, какъ это дѣлается у оптимистовъ, и не всѣ скорби презираются, какъ это рекомендовали, напр., дѣлать стоики, а только лишь дѣлается *разборъ* въ страданіяхъ, причѣмъ одни изъ страданій отодвигаются на задній планъ, какъ несущественныя, а другія, — неизбѣжныя для христіанина, страданія возвышаются, осмысливаются, и, наконецъ, претворяются въ радость.

ствіи и наслажденіи, а причину страданія въ отсутствіи этихъ удовольствій, сказала по поводу избавленія отъ злостраданій немного и дала, поэтому, мало пригодныхъ средствъ, когда рекомендовала презирать страданія, или—предупреждать ихъ. Какъ видно, ошибка этого міровоззрѣнія состояла въ томъ, что здѣсь, при сужденіи о свободѣ отъ злостраданій, принимался во вниманіе *не самъ страдающій человекъ*, не его сложная жизнь души, чуткой къ скорбямъ, не его личное отношеніе къ внѣшней печальной дѣйствительности, а эта дѣйствительность, съ которой, какъ извѣстно, трудно, а часто и невозможно, бороться и которая рядомъ неудачъ, мѣшающихъ спокойному теченію безпечальной жизни человекъ, настойчиво заставляетъ понять его, что не столько дѣйствительность, мало справляющаяся съ нашими желаніями, должна быть преобразуема, сколько самъ человекъ, точнѣе, его взглядъ на *цѣль жизни*, а въ зависимости отъ этого и на самыя страданія. Эту ошибку, инстинктивно постигавшуюся и языческими мудрецами, рекомендовавшими презирать и предупреждать страданія и не перестававшими въ тоже время чувствовать всю горечь и неустрашимость скорбей, вполнѣ разсѣяло христіанство, когда возвѣстило понятную для здоровой мысли религіозно-философскую истину о томъ, что *радость о жизни условна*, такъ какъ не въ ней цѣль бытія, —и что одна только радость—*радость о Богѣ имѣетъ безусловное значеніе*. Въ самомъ дѣлѣ, если *истинная радость*, какъ показываетъ религіозный опытъ ¹⁾, *никогда не была радостью о жизни, а только радостью о Богѣ* и если радость о жизни часто претворяется въ скорбь о неудачахъ ея, то, очевидно, желающему облегчить свои злостраданія, необходимо устранять поводы, вызывающіе ихъ. А такъ какъ послѣдніе почти всегда являются при погонѣ за житейскими выгодами, какъ результатъ столкновенія съ препятствіями, встрѣчающимися на пути нашихъ стремленій, то, слѣдовательно, чтобы уменьшить свои злостраданія, должно отказаться и отъ излишнихъ претензій на жизнь. Таковъ смыслъ христіанскаго воззрѣнія на свободу или успокоенія отъ злостраданій.

¹⁾ Ср. П. Казанскаго, „Исторія православнаго монашества на востокѣ“, ч. I, Москва. 1854 г. стр. 21.

Наиболѣе очевиднымъ доказательствомъ того, что обѣщанное послѣдователямъ Христа еще въ этой жизни успокоеніе отъ злостраданій мыслимо не только какъ простое философское предположеніе, но и имѣеть полную практическую примѣнимость въ жизни христіанина, служить аскетическій, оправданный цѣлымъ сонмомъ великихъ подвижниковъ, идеаль, въ основѣ котораго лежитъ томленіе души по лучшей жизни, а сущность котораго состоитъ въ добровольномъ удаленіи отъ мірской суеты. И если ни одинъ изъ подвижниковъ не уходилъ изъ міра, неоплаканнымъ близкими, боявшимися за него его предстоящихъ подвиговъ и лишеній, то онъ смѣло могъ всегда сказать имъ: „не плачьте обо мнѣ, но плачьте о себѣ“, потомучто „у васъ болѣе житейскихъ невзгодъ, болѣе скорбныхъ, приковывающихъ къ себѣ вниманіе, обстоятельствъ, омрачающихъ радости жизни и отдаляющихъ отъ радости о Богѣ“. Дѣйствительно, эта мысль и развивается, а иногда и иллюстрируется въ твореніяхъ отцовъ Церкви и у аскетовъ. „Между монашескою и мірскою жизнію, говоритъ въ одной бесѣдѣ св. Іоаннъ Златоустъ, такое же различіе, какое находится между пристанью и моремъ, непрестанно волнуемымъ вѣтрами. Смотри, самыя жилища монаховъ предувѣдомляютъ о ихъ благоденствіи. Избѣгая рынковъ и городовъ и народнаго шума, они предпочли жизнь въ горахъ, которая не имѣеть ничего общаго съ настоящею жизнію, не подвержена никакимъ человѣческимъ превратностямъ, ни печали житейской, ни горестямъ, ни большимъ заботамъ, ни опасностямъ, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здѣсь они размышляютъ уже только о царствіи небесномъ, бесѣдуя въ безмолвіи и глубокой тишинѣ съ лѣсами, горами, источниками, а паче всего съ Богомъ. Жилища ихъ чужды всякаго шума. Душа, свободная отъ всѣхъ страстей и болѣзней, тонка, легка и чище всякаго тонкаго воздуха... Снѣ свѣтильники міра, едва восходитъ начинается солнце, или еще до разсвѣта, встаютъ съ ложа здоровы, бодры и свѣжи, ибо ихъ не возмущаетъ ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни множество дѣлъ...“¹⁾ Краткая, но выразительная иллюстрація разви-

¹⁾ Ср. „Исторія монашества на востокѣ“ П. Казанскаго ч. I, стр. 11.

ваемой нами мысли имѣется въ житіи преп. Макарія, которому однажды, въ примѣръ особой совершенной жизни, были указаны двѣ замужнія женщины, жившія въ городѣ среди заботъ о домѣ и сохранившія всю чистоту духовной настроенности, которая была тѣмъ цѣннѣе, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе суеты и скорбей было на пути ихъ духовнаго совершенствованія ¹⁾. Изъ этой иллюстраціи мы не намѣрены дѣлать въ данномъ случаѣ особыхъ выводовъ, если таковыя назрѣваютъ при ея передачѣ, кромѣ одного: *чѣмъ болѣе человекъ отграничиваетъ отъ себя міръ, тѣмъ меньше для него житейскихъ невзгодъ и страданій*. И не удивительно, поэтому, если отшельникъ, покинувшій суетный міръ для пустыни, гдѣ всё и

„Степей безбережныхъ просторъ,
Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
И моря пѣнистыя воды,
Земля, и солнце, и луна
И всѣхъ созвѣздіи хороводы,
И синей тверди глубина“

есть

„Одно лишь отраженье
Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ.
Которыхъ вѣчное видѣнье
Въ душѣ избранника живетъ“,

какъ говорится о пустынѣ въ одномъ, близкомъ къ словамъ Св. Іоанна Златоуста ²⁾, поэтическомъ вариантѣ ³⁾,—неудивительно, говоримъ, если этотъ отшельникъ пріобрѣтаетъ такое душевное настроеніе, такой душевный міръ, такую свободу отъ страданій и скорбей, что, подобно Іоанну Дамаскину—правителю дамскаго халифа, начинаетъ убѣжденно прославлять лѣса, долины, нивы, горы, воды, свою свободу отъ страстей и страданій въ то время, какъ самъ, оставивъ пышный дворъ, онъ идетъ только съ однимъ посохомъ и сумою, которые, однако, такъ сближаютъ его съ людьми, что онъ внутренно чувствуетъ полную мощь обнять друзей, братьевъ и враговъ вмѣстѣ со всею природою и пѣть не-

¹⁾ Ср. „Училище благочестія“, Петербургъ, 1891 г. т. I, стр. 169.

²⁾ Ср. „Исторія монашества на востокъ“ П. Казанскаго ч. I, стр. 10—11.

³⁾ Ср. соч. гр. А. Толстого, т. I, стихотв. „Дамаскинъ“.

молчно гимны красотѣ природы и торжеству христіански—братскаго единенія. И когда этотъ путникъ усталымъ шагомъ подходитъ къ утесамъ горъ, гдѣ находятся рытвѣ пещеры, то онъ еще сильнѣе, вполне опытно, постигаетъ, что теперь конецъ мірскаго тревоженія, его пресѣкла пустыня:

„Тебя, безбурное жилище,
Тебя, познанія купель,
Житейскихъ помысловъ кладбище
И новой жизни колыбель,
Тебя привѣтствую, пустыня,
Къ тебѣ стремился я всегда!
Будь мнѣ убѣжищемъ отнынѣ,
Пріютомъ пѣсенъ и труда! 1)

И этотъ восторгъ новаго пустынножителя, промѣнявшаго богатые чертоги, придворную жизнь на тишину пустыннаго единенія, не исключеніе. Исторія подвижничества знаетъ даже такіе, мало понятные намъ, случаи, когда отшельники, бесѣдуя въ безмолвіи и глубокой тишинѣ съ лѣсами, горами и источниками, настолько освобождались отъ страстей и болѣзней, подавляющихъ обыкновенно бодрость нашего духа, что подъ наитіемъ благодати, въ глубокомъ сознаніи своего недостойнства, молили даже Господа: „ удержи, Господи, волны благодати Твоея...“ 2). Какъ видно, чрезъ удаленіе отъ міра люди, искавшіе свободы отъ житейскихъ злостраданій, не столько теряли, сколько пріобрѣтали: утрачивали они похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейскую (1 Іоан. 2, 16) и всѣ связанныя съ этимъ разочарованія, а пріобрѣтали сладостное успокоеніе, радость о Богѣ и свободу отъ житейскихъ невзгодъ и тревогъ, которыя часто порождаютъ немощь духа, а чрезъ это и немощь плоти. Правда, здѣсь рѣчь о людяхъ, укрьпившихся въ добродѣтеляхъ, здѣсь образцы совершенства, люди сильной воли и твердыхъ правилъ, но вѣдь мы и указываемъ на нихъ постольку, поскольку они были людьми, поскольку они воспитывали волю, поскольку они восходили къ совершенству отъ общаго всѣмъ несовершенства, и поскольку они опытно познали, что *человѣкъ можетъ самъ избавиться отъ тѣхъ зло-*

1) Ibid стр. 13.

2) Ср. П. Казанскаго, „Исторія прав. монаш. на востокѣ“ ч. I, стр. 10.

страданій, которыя истекають изъ неумѣреннаго пользованія житейскими благами, изъ постоянной заботы объ успѣхахъ на житейскомъ поприщѣ, изъ ненасытимой радости о благахъ жизни, изъ тревожныхъ, утомляющихъ нашъ духъ и разстраивающихъ плоть, сомнительныхъ надеждъ на текучее счастье. Этимъ, впрочемъ, испытаннымъ и рекомендуемымъ въ христіанствѣ, рецептомъ пользуемся до извѣстной степени и мы въ обыденной жизни, когда рядъ житейскихъ неудачъ, кругъ враждебныхъ намъ лицъ, становящихся на пути нашихъ стремленій, заставляютъ насъ сказать: „нѣтъ, лучше успокоиться... Подальше отъ этихъ лицъ“... А современная намъ медицина и психіатрія, изучающая вліяніе духовнаго настроенія на физическую организацію человѣка и рекомендующая здоровымъ людямъ, какъ предохранительное, а страдающимъ заболѣваніями на почвѣ нервнаго переутомленія, какъ врачебное средство, ограниченіе круга занятій, удаленіе отъ житейскихъ волненій, чистый воздухъ, пребываніе въ мѣстахъ, гдѣ чарующія красоты природы успокаиваютъ насъ и перестраиваютъ, такъ сказать, привычный образъ нашихъ мыслей и вообще умѣренное пользованіе благами жизни, сообщаетъ въ существѣ дѣла не новое для христіанина ¹⁾.

И если въ жизни людей, сознательно ограничивающихъ свои стремленія, сдерживающихъ и облагораживающихъ свои порывы, мы имѣемъ положительный опытъ, говорящій за возможность „успокоенія“ отъ значительной доли злострданій, порождаемыхъ безмѣрнымъ пользованіемъ временными благами, то въ жизни людей, вѣчно мятущихся и постоянно разочаровывающихся во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, мы имѣемъ отрицательный, но тѣмъ не менѣе убѣдительный опытъ, приводящій къ признанію раскрываемой намъ истины. И этотъ невольный, смиряющій насъ опытъ,

¹⁾ Развитію этой мысли была посвящена специальная лекція Муратова, читанная въ аудиторіи Историческаго музея 21 Апр. 1901 г. см. Русская мысль, Іюль, 1901 г. „Причину особой склонности нашего времени къ астеническимъ формамъ представляеть, замѣчаетъ упомянутый авторъ, крайнее напряженіе конкуренціи, односторонняя погоня за матеріальными благами въ ущербъ высшимъ стремленіямъ, развитіе среди промышленныхъ классовъ крайняго индивидуализма при равнодушій къ высшимъ запросамъ человѣческаго духа“.

черезъ который мы постигаемъ тщету обыденной дѣйствительности, бываетъ иногда очень тяжелъ: онъ дается за скорбь и слезы. Объ этомъ скажетъ намъ грустная улыбка, если таковая еще не утрачивается и скромная для тѣхъ, о которыхъ говорятъ, что ихъ изломала жизнь, заѣла среда. Объ этомъ же скажетъ намъ тоскливое разочарованіе въ жизни тѣхъ, которые скорбью и страданіями научаются не привязываться къ жизни. Въ поэзіи графа А. Толстого есть довольно тонкое описаніе мятушагося въ жизни человѣка, который на жизненномъ пути то поддается увлеченіямъ и за это расплачивается скорбью, какъ неизбѣжною данью за злоупотребленіе жизнью, то снова разочаровывается въ погонѣ за призракомъ счастья, когда духи хранители дають ему возможность въ сонномъ видѣніи постичь тщету земного и когда онъ, рыдая и плача, уразумѣваетъ загадку спокойной безпечальной жизни:

„Въ безмолвіи ночи
 Мы (духи хранители) съ нимъ говорили,
 Мы слящія очи
 Его прояснили,
 Изъ тверди небесной
 Къ нему мы вѣщали
 И міръ безтѣлесный
 Ему показали.
 Онъ зрѣлъ, обновленный,
Въ чель сердца задача,
 И рвался къ намъ сонный,
 Рыдая и плача;
 Въ дневной же тревогѣ
 Земное начало
 Опять отъ дороги
 Его отвращало.
 Онъ помнилъ видѣнье,
 Но требовалъ снова
 Ему примѣненья
 Средь міра земного,
 Пока его очи
 Опять не смежились
 И мы, среди ночи,
 Ему не являлись;

И вновь онъ, преступный,
 Гналъ замысль обратно,
 И мысли доступна
 И сердцу понятна
 Стремленья земного
 Была неудача,
 И пашъ онъ былъ снова,
 Рыдая и плача! ¹⁾

И это еще ничего, если плачь и рыданіе, какъ результатъ разочарованія въ земной жизни, спасаютъ насъ, если страданія, которыхъ мы могли бы избѣжать, опытно убѣждаютъ насъ въ существованіи особыхъ, порождаемыхъ суетою, элостраданій и возвращаютъ на забытый и давно указанный въ христіанствѣ путь добродѣтельной, до извѣстной степени безпечальной, жизни.. Еще хорошо, если мы, подобно пророку Варуху, который нѣкогда жаловался Господу на то, что Онъ приложилъ скорбь къ болѣзни его (Іерем. 45), въ то время какъ онъ мечталъ о покоѣ, услышимъ изъ своего сердца наставленіе, изреченное Богомъ Варуху: *„ты говоришь: горе мнѣ! ибо Господь приложилъ скорбь къ болѣзни моей; я изнемогъ отъ вздоховъ моихъ, и не нахожу покоя“*.... *„Ты просишь себѣ великаго: не проси; ибо вотъ Я наведу бѣдствіе на всякую плоть, а тебя вмѣсто добычи оставляю душу твою“*, то есть, вмѣсто претензій, какія ты ставишь жизни, ты сохранишь цѣлость своего настроенія, если „яснѣ представишь себѣ все это несчастье, все это бѣдствіе, какое и здѣсь и тамъ, повсюду господствуетъ въ человѣческомъ мірѣ“ ²⁾. Но вѣдь часто плачь и рыданіе страждущаго по своей винѣ человѣка переходятъ въ вопль мрачнаго отчаянія. Исторія христіанской церкви сохранила намъ сказаніе о такомъ воплѣ императора Юліана Отступника, который послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ возстановить вышній культъ язычества, въ виду расцвѣтшаго и окрѣпшаго уже христіанства, умирая, въ битвѣ съ Персами,

¹⁾ А. Толстой, т. I, Донъ Жуанъ, стр. 124.

²⁾ Мартенсентъ, перев. Лопухина, „Христіанское ученіе о нравственности“, ч. I, стр. 345—346; ср. также „Руководство къ дух. жизни въ вопр. и отвѣт. Варсануфія Великаго и Іоанна“, Москва 1855 г., Отвѣтъ 47. „Желаетъ ли избавиться отъ скорбей и не тяготиться ими, пишетъ здѣсь старецъ аввѣ Іоанну, ожидай большихъ и успокойсь“.

воскликнулъ: „Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!“ Какъ бы не звучало это: „Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!“—смысль этихъ словъ очевиденъ: цѣлымъ рядомъ прискорбныхъ неудачъ и этою послѣднею разящею меня раною Ты, Галилеянинъ, побѣдилъ меня, привелъ меня къ полному сознанию суетности моего тщеславія, за которое приходится расплачиваться тяжелыми страданіями. Такъ побѣждаетъ Галилеянинъ и всѣхъ тѣхъ, кто забываетъ Его призывъ къ успокоенію отъ житейской суеты, а вмѣстѣ съ этимъ и отъ порождаемыхъ ею злостраданій. Скорбь и отчаяніе часто выпадаетъ на долю ихъ! Здѣсь мы прерываемъ нить нашихъ сужденій по вопросу о религіозно-философскомъ отношеніи къ дѣйствительности, а въ зависимости отъ этого и къ страданіямъ. По смыслу сказаннаго каждый христіанинъ, навикающій благоразумно разбираться во всѣхъ своихъ житейскихъ стремленіяхъ, воспитываетъ въ себѣ чрезъ это чувство свободы отъ настойчивыхъ и тяжелыхъ требованій суетной мірской жизни, а это отдохновеніе отъ погони за житейскими выгодами и есть истинно-философская свобода или успокоеніе отъ злостраданія. И поэтому всякій разъ, когда, въ минуты тяжелыхъ невзгодъ и скорбей, произносятся, со вздохомъ, обычное: „о какъ печалень Божій міръ“, то говорятъ только одинъ парадоксъ: не Божій міръ печалитъ насъ, а наше разочарованіе, которое въ существѣ дѣла есть ничто иное какъ отзвукъ на наши излишнія претензіи, отзвукъ понятный и законный, говорящій лишь только о томъ, что человѣкъ не можетъ, а потому въ существѣ дѣла и никогда не долженъ быть *прихотливымъ творцомъ окружающей его дѣйствительности*. Эту истину давно уже постигали великіе умы. „Приравняй твои претензіи нулю, говоритъ Карлэйль, и цѣлый міръ будетъ у ногъ твоихъ. Справедливо писалъ мудрѣйшій человѣкъ нашего времени, что жизнь, собственно говоря, начинается только съ момента отреченія“. „Отказъ отъ претензій, добавляетъ одинъ извѣстный англійскій психологъ, даетъ намъ такое же желанное облегченіе, какъ и осуществленіе ихъ на дѣлѣ“ ¹⁾.

¹⁾ Джемсъ, „Психологія“, перев. съ англ. Лапшина, Петербургъ, 1896 г. стр. 142—143. Джемсъ, между прочимъ, замѣчаетъ здѣсь, что наше довольство въ жизни опредѣляется отношеніемъ нашихъ дѣйствительныхъ способностей къ потенциальнымъ, предполагаемымъ—дробью, въ которой

Но здѣсь сказано еще далеко не все объ отношеніи къ страданіямъ. Если христіанская жизнь со стороны чисто-психологической доставляетъ человѣку, при его религіозно-философскомъ отношеніи къ окружающей дѣйствительности, минуты чистой радости, минуты неиспытанныхъ порывовъ религіознаго чувства ¹⁾, то вѣдь это порождаетъ все лишь свобода отъ произвольныхъ злостраданій. Но вѣдь христіанину и на пути его стремленія къ совершенству, когда онъ чувствуетъ томленіе по лучшей жизни, и при исполненіи прямого долга, когда онъ ревнуетъ о правдѣ, приходится сталкиваться съ неизбѣжными страданіями, которыя даютъ ему чувствовать его тѣлесную и душевную ограниченность и силу виѣшняго зла; расплачивается, также, онъ неизбѣжными страданіями и за свои грѣхи, за свои проступки предъ обществомъ; наконецъ, онъ самъ иногда хочетъ страданій, чтобы ими успокоить больную совѣсть. И слово Божіе знаетъ эти неизбѣжныя страданія. Іовъ былъ праведенъ, а онъ страдалъ такъ, что страданія его были тяжелѣе стоновъ его. Пророки угаждали Богу, а были гонимы и мучимы. Искушитель принесъ на землю спасеніе, а былъ распятъ на крестѣ. Апостоль Павелъ благоугождалъ Богу, а ему было дано жало въ плоть (2 Кор. 12, 7—10), которое сильно удручало его и по троекратномъ моленіи не было удалено отъ него, дабы зналъ онъ, что сила Божія и въ немощи совершается. Иисусъ Христосъ призываетъ всѣхъ послѣдователей Своихъ, труждающихся и обремененныхъ къ успокоенію, а Самъ снова посылаетъ ихъ въ міръ скорби: „въ мірѣ будете имѣть скорбь“ (Ев. Іоан. 16, 20, 23). Въ Своемъ ученіи о блаженствахъ Иисусъ Христосъ обѣщаетъ всѣмъ послѣдователямъ Своимъ утѣшеніе, а Самъ, по замѣчанію приснопамятнаго митрополита Филарета, начинается его скорбію и еще большею скорбію заканчиваетъ. А сколько неправящихъ и карающихъ, но тѣмъ не менѣе неизбѣжныхъ, страданій выпадаетъ на долю преступниковъ общества! Такихъ страданій отрицать и тѣмъ болѣе проклинать

числитель выражаетъ нашъ активный успѣхъ, а знаменатель—наши претензіи: самоуваженіе: $\frac{\text{успѣхъ}}{\text{претензіи}}$. При увеличеніи числителя и уменьшеніи знаменателя дробь будетъ возрастать.

¹⁾ Ср. Таръевъ, „Цѣль и смыслъ жизни“, Вѣра и Церковь, 1901 г. кн. 4-ая стр. 561.

за нихъ Бога, какъ совѣтовала сдѣлать страдальцу Юву его неразумная жена, нельзя, потому что безусловное уничтоженіе природнаго зла и полное успокоеніе духа, дающееся въ предѣлахъ земнаго бытія лишь до извѣстной степени — въ мѣру постиженія смысла жизни, есть достояніе грядущей жизни ¹⁾. Ихъ надо объяснить и осмыслить, какъ пытался сдѣлать это самъ Ювъ. А мало понятный для поверхностнаго взгляда религіозно-психологическій опытъ, по которому христіанинъ можетъ не только мириться съ страданіями, но даже и радоваться при нихъ, опытъ о которомъ знаетъ Откровеніе (ср. Дѣян. 5, 40—42; Мѡ. 5, 3—12; Іак. 1, 2—4; 1 Петр. 1, 6—9; 3, 14; Кол. 1, 24; 2 Кор. 7, 4; 8. 2 и др.), вызываетъ глубокій интересъ и даетъ достаточный поводъ для уясненія факта неизбѣжныхъ страданій именно съ *психологической точки зрѣнія*. Въ самомъ дѣлѣ, если разумъ нашъ примиряется съ страданіями, когда намъ говорить о ихъ воспитательномъ, усовершенствующемъ однихъ и направляющемъ другихъ, значеніи и если духъ христіанина умиротворяется, когда ему, какъ на облегчающія наши страданія средства, справедливо указываютъ на дары благодати, обильно изливаемые въ таинствахъ и священныя обрядахъ церкви, то понятно жаланіе знать и то, *какое же значеніе имѣютъ страданія, какъ извѣстное состояніе нашего духа, въ общей экономіи нашихъ личныхъ чувствъ*, путемъ какого психическаго процесса мы можемъ постичь ихъ смыслъ — постичь на столько, чтобы можно было не только мириться съ ними, но, не смотря на всю остроту ощущенія, вызываемаго душевными и тѣлесными страданіями, принимать ихъ, по слову Апостола, даже съ радостію. А соединеніе радости съ страданіями—это загадочное на первый взглядъ состояніе духа—вѣдь это фактъ религіознаго опыта, о которомъ, какъ мы упоминали, знаетъ и откровеніе и исторія христіанской церкви, когда говоритъ намъ о радости въ скорбяхъ апостоловъ, о духовномъ веселіи страдавшихъ мучениковъ.— словомъ, — о радости „о Господѣ“ всѣхъ гонимыхъ за правду.

¹⁾ Поэтому странною является надежда гр. Л. Толстого на то, что достаточно усвоенія ученія Христа, чтобы избавиться отъ злостраданій. Подробный разборъ этого воззрѣнія см. въ статьѣ Тарѣева: „Цѣль и смыслъ жизни“, Вѣра и Церковь, 1901 г. кн. 4.

И этотъ фактъ религіознаго опыта имѣеть свое достаточное объясненіе въ данныхъ психологін.

Извѣстное и въ существѣ дѣла одностороннее, по своей пантеистической окраскѣ, философское положеніе, что „въ расчеты мірового порядка не входитъ страданіе и счастье отдѣльныхъ единиц“¹⁾, по которому „всемирный человѣкъ“ чрезмѣрно возвышается надъ отдѣльною личностію, можетъ служить, съ ограниченіемъ, исходнымъ пунктомъ въ дѣлѣ уясненія психологін страданія. Оно пригодно и для нашей цѣли, но, разумѣется, лишь постольку, поскольку имъ утверждается, что факты мірового страданія не имѣють одинаковаго и безусловно-обязательнаго значенія для каждой личности въ отдѣльности и что каждый человѣкъ *воленъ самъ такъ или иначе осмысливать* и быть истолкователемъ ихъ. И дѣйствительно, общеизвѣстная истина, что одно и тоже страданіе—будетъ ли оно въ основѣ своей имѣть чувство неудовлетворенности, или — чувство физической боли можетъ вызывать самыя разнообразныя ощущенія въ различныхъ индивидуумахъ. Отрекшійся отъ своего Божественнаго Учителя и чувствовавшій сердцемъ Его неизреченное милосердіе апостоль Петръ иначе переживалъ свои душевныя муки, когда оплакивалъ свое отреченіе отъ Иисуса Христа, чѣмъ Иуда, смѣнявшій кровь Неповиннаго на деньги и удавившійся въ мрачномъ отчаяніи. Голгоускій благоразумный разбойникъ легче, конечно, переносилъ крестныя муки, когда для него были уже отверсты двери рая, чѣмъ актеръ язычествующаго Рима, который, по требованію сценическаго искусства того времени, дѣйствительно распинался на крестѣ, на примѣръ, въ пантомимѣ „Лавреоль“ и дѣйствительно обагрять сцену кровью. Мученикъ коллизея, видѣвшій предъ собою разъяренныхъ животныхъ, а надъ собою уже разверстое небо иначе смотрѣлъ въ глаза грозящей опасности, чѣмъ преступникъ древне-римской имперіи, въ вѣмомъ отчаяніи, съ тяжелыми стенами, окровавлявшій арену въ борьбѣ съ голодными львами. Христіанскій мученикъ, сгоравшій въ видѣ свѣтящагося факела гдѣ нибудь въ саду Нерона иначе, опять, претерпѣвалъ муки огня, чѣмъ рабы и преступники развращеннаго Рима, въ

1) Котляревскій, „Міровая скорбь“, стр. 291.

золотъ и пурпуръ игравшіе на сценѣ и въ угоду извращеннымъ вкусамъ императора и народа восходившіе на костеръ и дѣйствительно сгоравшіе на кострѣ въ роли, на примѣръ, Геркулеса. Это лишь немногіе, но выразительные факты исторіи, оправдывающіе наше общее положеніе о возможности различнаго отношенія къ однимъ и тѣмъ-же страданіямъ. Ихъ не мало знаетъ каждый и изъ обыденной жизни. Если же такъ, если человѣкъ самъ задаетъ извѣстный тонъ и придаетъ извѣстную силу своимъ ощущеніямъ, то, очевидно, причина этого заключается въ немъ самомъ— въ тѣхъ осложняющихъ и сопровождающихъ ощущеніе страданія психическихъ моментахъ, которые и придаютъ извѣстную окраску чувству страданія. Психологія знаетъ эти осложняющіе чувство страданія моменты духовной жизни, когда утверждаетъ, что чувство страданія, вызываемое невзгодами, заключается *„не въ сердце, а въ мѣръ, которою измѣряются событія и вещи въ мѣрѣ“* и что нездравомысленная и неестественная мѣра будетъ вызывать неестественныя и неумѣстныя чувства“ (Владиславлевъ). Христіанская религія, вскрывающая тайники нашей душевной жизни, и отвѣчающая на сокровенные запросы нашего духа, также ставитъ ощущеніе страданія въ зависимость отъ нашего настроенія, отъ нашего отношенія къ идеальнымъ задачамъ человѣка, характеризующимъ его религіозно-настроенный духъ. При этомъ понятно, что въ человѣкѣ, въ мѣру добровольнаго стремленія къ самоусовершенствованію, порождается или твердая рѣшимость добровольно претерпѣвать и какъ всякій добровольный подвигъ даже съ любовью и съ радостью сносить страданія ради высшихъ цѣлей совершенствованія, или же, при отсутствіи высшихъ задачъ, при нежеланіи носить, по Апостолу, „поруганіе Христово“ (Евр. 13, 13) и „язвы Господа Іисуса на тѣлѣ своемъ“ (Гал. 6, 17). въ немъ разливается, выражаясь языкомъ аскетовъ, „печаль, смущеніе, желаніе обвинить другого въ своихъ страданіяхъ и, наконецъ, стремленіе избавиться отъ своихъ страданій, которое при неосуществимости его приводитъ насъ въ изнеможеніе и даже въ уныніе и отчаяніе, „подобное унынію и отчаянію неразумныхъ пловцовъ, незнающихъ искусства мореплаванія и неумѣющихъ склониться подъ входящую на нихъ волну“. Такъ разсуждаютъ святые под-

вижники Исаакъ Спряннѣ, Макаріѣ Египетскіѣ, Маркѣ, Дорошеѣ ¹⁾. Въ Евангеліи, въ общеизвѣстномъ призывѣ Спасителя: „если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною“ (Мѣ. 16, 24; ср. Мрк. 8, 34; Лк. 14, 27) именно и дается такая психологія чувства страданія, когда указывается на необходимость *добровольнаго* несенія постигающихъ христіанина скорбей. При чемъ въ цѣломъ очевидный смыслъ этого изреченія слѣдующій: если кто хочетъ (*εἰ τις θέλοι*) идти за Мною, если кто имѣетъ добровольную рѣшимость, на которую никто не обязывается, слѣдовать за Мною, *отвергнись себя* — тотъ пусть совершитъ въ себѣ внутреннее превращеніе, при посредствѣ особаго духовнаго процесса воспитаетъ въ себѣ настроеніе терпѣнія и смиренія, чтобы, по словамъ Св. Климента Александрійскаго, „поставить себя выше несчастій— и не дезертировать изъ подъ знаменъ“, пусть переставитъ точку зрѣнія на свою личную жизнь, пусть не смотритъ на блага жизни, какъ на цѣль и на скорби, какъ на безысходное зло, пусть восчувствуетъ въ себѣ Господа и послѣ этого пусть возьметъ крестъ и идетъ за Мною—за Мною, по Моему, уже пройденному и указанному пути, къ блаженному единенію съ Богомъ. А это послѣднее будетъ неотъемлемою наградой, если только христіанинъ возьметъ крестъ „свой“ — крестъ не измышленный, тотъ крестъ, который снособствуетъ жизни въ Богѣ, а не отрицаетъ жизнь, тотъ крестъ, который христіанинъ *долженъ*, а потому и *можетъ* нести ради правды, или за свою вину, или за вину другихъ по идеѣ сострадающаго милосердія, по идеѣ солидарности, дающей намъ право не только пользоваться плодами культуры, требующей часто жертвъ отъ нашихъ предковъ, но и обязывающей насъ отдавать себя общему благу, страдать за другихъ въ томъ сознаніи, что „два сердца, соединенныя вмѣстѣ, вмѣстѣ встрѣчаютъ и злополучіе, которое разитъ каждое только въ половину“ (Вине) ²⁾ и что „единеніе силъ родитъ могущество“.

Итакъ, въ христіанствѣ чувство примиренія и радости при перенесеніи страданій вытекаетъ не изъ культа самаго стра-

¹⁾ Ср. Тарфевъ, Вѣра и Церковь, 1901 г. кн. 4-я стр. 569—570.

²⁾ Ср. Навилль. Происхожденіе зла, стр. 194.

данія, почерпается не въ самомъ страданіи, а въ глубоко-жизненномъ усвоеніи христіанскихъ началъ, въ ясномъ сознаниіи идеальныхъ задачъ челоуѣка, ради которыхъ берется крестъ и является актъ волевой рѣшимости. Это-то достиженіе идеальныхъ задачъ челоуѣка и является для христіанской души какъ-бы призмоу, смягчающею чувство страданія, а въ людяхъ „уязвленныхъ, по выраженію аскетовъ ¹⁾, сладостью божественной жизни“ даже разлагающею чувство страданія и подмѣняющею его чувствомъ неизреченной радости. Конечно, христіанинъ не сразу создаетъ себѣ такое настроеніе, при которомъ зрѣетъ добровольная рѣшимость нести крестъ свой. Не у всякаго, конечно, среди скорбныхъ обстоятельствъ, подъ гнетомъ тяжелыхъ мученій, откроются уста, чтобы въ одно и тоже время и славословить Бога и молиться за своихъ мучителей ²⁾, какъ это дѣлали, на примѣръ, Сцилитанскіе мученики въ Нумидіи (въ 180 г.), выслушивая смертнѣй приговоръ. Примиреніе со скорбями и претвореніе чувства страданія въ чувство радости—это результатъ сложнаго, почти неуловимаго, психическаго процесса, во время котораго совершается самая тонкая, такъ сказать, аналитика пораженнаго страданіемъ сознанія. При этомъ переживающій чувство страданія индивидуумъ всегда наблюдаетъ въ самомъ себѣ, какъ душа его какъ-бы колеблется всѣмъ своимъ существомъ ³⁾, какъ его мысль перебѣгаетъ съ одного, часто несбыточнаго, проэкта на другой въ цѣляхъ смягченія своего мучительнаго настроенія, какъ зарождаются въ немъ „мучительное сознаніе какой-то пустоты душевной, безпомощности, непониманія, что дѣлается, какъ и почему, ⁴⁾“ какъ въ немъ развивается мертвящій и парализующій волю фатализмъ, когда страдающее сознаніе не видитъ просвѣта въ хаосѣ своихъ мучительныхъ думъ и какъ снова начинается въ немъ судоржное возбужденіе мысли и воли, какъ снова загорается лучъ надежды на примиреніе съ дѣйствительностью, когда воля его, доселѣ цѣлко

¹⁾ Ср. Догматическіе основы христ. аскетизма. П. Пономаревъ, Казань, 1899 г. стр. 211.

²⁾ По свидѣтельству Тертулліана—это обычное настроеніе христіанскихъ мучениковъ.

³⁾ В. Свигиревъ, „Психологія“, Харьковъ, 1893 г. стр. 366.

⁴⁾ Ibid стр. 518.

державшаяся за призраки и иллюзію разбитаго неожиданностью счастья, начинаетъ снова скоплять свою энергію для того, чтобы примирить человѣка съ самимъ собою и съ его новою ролью страдальца, чтобы „утвердить въ немъ таинственную внутреннюю связь личности съ міромъ виѣшнимъ, которая заставляетъ человѣка любить жизнь, поддерживать ее всѣми силами, сознать цѣнность ея, не смотря на то, что она полна страданій и бѣдствій ¹⁾“. И эта внутренняя, терзающая наше сердце, работа нашего духа не всегда скоро увѣнчивается торжествомъ примиреннаго съ страданіемъ настроенія, потому что *психологическій процессъ примиренія съ страданіемъ и претворенія его въ чувство радости обыкновенно бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и процессомъ преобразованія нашей нравственной личности* — процессомъ, заканчивающимся въ концѣ концовъ тѣмъ, что человѣкъ навикаетъ разсматривать дѣйствительность не только съ *практической*, но и съ *этической* точки зрѣнія. Вотъ почему христіанинъ, вынужденный, какъ Симонъ Киринейскій, нести крестъ свой, долго иногда изнемогаетъ подъ тяжестью его — изнемогаетъ дотолѣ, доколѣ не рѣшится смѣло взглянуть въ лицо ужасающей дѣйствительности и примириться съ ней, найдя себѣ опору въ другихъ сторонахъ жизни ²⁾. Но проходитъ время и пораженное страданіемъ сознаніе озаряется моментами сильнаго одушевленія, моментами рѣшимости слѣдовать за Христомъ, когда страдальцы, конхъ коснулись вопросы высшаго порядка ³⁾, ясно ощущаютъ, что на поверхность ихъ сознанія какъ-бы всплываютъ *новое освященіе* подъятаго креста страданій, новое чувство, парализующее чувство мучительной скорби и они готовы воскликнуть, подобно Григорію Богослову: „новое, новое что-то, о Божіе Слово! Новое что-то происходитъ со мною! ⁴⁾“. Этоть-то моментъ духовнаго подъема и есть тотъ существенный моментъ въ процессѣ преобразованія чувства страданія и приспособленія его къ общей экономіи пригодныхъ для нашей жизни чувствованій, который и является наяснѣйшимъ показателемъ

¹⁾ Ibid. Ср. Психологія Джэмса, перев. Лапшина, Петерб. 1896 г. стр. 383.

²⁾ Джэмсъ, Психологія, стр. 383.

³⁾ Пономаревъ, „Догматич. основы христ. аскетизма.“ стр. 133.

⁴⁾ Ibid.

истинно-психологической природы человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, „если цѣль житейской борьбы заключается въ томъ, чтобы мы постигли въ ней внутреннюю сущность нашей духовной природы, то мы должны видѣть эту сущность въ чувствѣ“ подъема нашего духа или, выражаясь языкомъ научной терминологіи, „въ чувствѣ усилія, какое мы способны проявлять. Кто не способенъ къ проявленію усилій воли, тотъ не заслуживаетъ имени человѣка; кто способенъ проявлять громадныя усилія воли, того мы называемъ героемъ“¹⁾. Правда, нѣкоторые видные представители психологіи, мы говоримъ о Рибо и Бони²⁾, по вопросу о превращеніи чувства страданія въ чувство удовольствія или радости замѣчаютъ: „возможно, что изъ числа элементовъ, составляющихъ ощущеніе, одни—пріятны, другіе—непріятны; подъ вліяніемъ привычки и упражненія все непріятное исчезаетъ изъ сознанія и остаются только пріятные элементы ощущенія. Въ этомъ случаѣ нѣтъ настоящаго превращенія страданія въ удовольствіе, а есть только простое исчезновеніе непріятныхъ элементовъ ощущенія и преобладанія элементовъ пріятныхъ“. „Причину такого перехода, добавляетъ Рибо, нужно, можетъ быть, искать въ той малоизвѣстной биологической функціи, которая называется *приспособленіемъ* и сводится, повидимому, къ питательнымъ измѣненіямъ“. Быть можетъ этого замѣчанія и достаточно для объясненія нѣкоторыхъ случаевъ превращенія чувства въ чувство удовольствія; но оно мало пригодно для объясненія претворенія чувства страданія въ чувство радости, которое наблюдается въ религіозно-настроенномъ человѣкѣ. Въ немъ, „новое чувство“ примиренія и даже радости какъ-бы выталкиваетъ, и иногда очень быстро,—непріятное ощущеніе. Здѣсь, очевидно, имѣетъ мѣсто не *пассивный процессъ*—процессъ „*привыканія*“ къ страданіямъ, связанный съ постепеннымъ выдѣленіемъ непріятнаго ощущенія и съ возстановленіемъ организма, а вмѣстѣ съ этимъ и жизненной дѣятельности, а процессъ *активный*, выражающійся въ томъ, что человѣкъ *самъ усиливается* препобѣждать свои страданія и подчинять чувство

¹⁾ Джэмеъ, „Психологія“, стр. 383.

²⁾ Ср. „Психологія чувствъ“, Рибо, перев. съ французск. Гольдсмитъ, С.-Петербургъ, 1896 г. стр. 67—68.

страданія другому чувству—чувству примиренія и радости, идущему какъ-бы изъ глубины самосознающей личности. Словомъ, здѣсь человѣкъ не „приспособляется“ къ страданіямъ, какъ думаетъ Рибо, а приспособляетъ ихъ къ себѣ, подводитъ такъ сказать, ихъ подъ основной повышенный тонъ своей духовной жизнедѣятельности. Поэтому-то мы часто и наблюдаемъ въ религіозно-настроенныхъ людяхъ, что у нихъ чувство страданія быстро смягчается и подмѣняется чувствомъ радости даже иногда въ то время, когда нормальная жизнь ихъ тѣлесной организациі бываетъ нарушена. Сократъ, постигавшій, очевидно, до извѣстной степени психологическую природу страданія и подмѣчавшій фактъ тѣснаго единенія чувства страданія съ чувствомъ радости, однажды, вспоминая Езопъ, не безъ ироніи замѣтилъ: „если бы эта мысль (мысль о тѣсной связи чувства страданія съ чувствомъ радости) представилась Езопу, то онъ сложилъ-бы, вѣроятно, басню, что Богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, но не могли этого сдѣлать, срастилъ ихъ вершины“ (Федонъ). Но Езопъ, дѣлая такое замѣчаніе, былъ-бы до извѣстной степени правъ и оно не было бы только баснею, потому что дѣйствительно въ духовной жизни страдающаго человѣка можно подмѣтить такой психическій моментъ, въ который чувство страданія является какъ-бы сращеннымъ съ чувствомъ радости. И это „новое чувство“, обусловленное подъемомъ духа, дѣлаетъ христіанина уже добровольнымъ крестоносцемъ и не только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ страдаетъ за правду, при исполненіи своего долга, или по винѣ другого, но и за свою собственную вину, потому что, поскольку онъ признаетъ свои страданія заслуженными, постольку онъ добровольно принимаетъ ихъ. Поэтому въ христіанствѣ „новое чувство“, о которомъ говоритъ Св. Григорій Богословъ въ своей молитвѣ, расцвѣтаетъ не только въ сердцахъ такъ называемыхъ неповинныхъ страдальцевъ, но и виновныхъ, пришедшихъ, по словамъ Св. Златоуста, въ единонадесятый часъ, разъ они твердо рѣшились нести свои страданія. Оно одинаково доступно какъ страдальцу Лазарю, такъ и благоразумному разбойнику, имѣвшему мужество среди жестокихъ мученій сказать: „достоинное по дѣламъ нашимъ приняи“ (Ев. Лк. 23 гл. 41)...

Всѣ указанные моменты духовнаго преображенія человѣка

и претворенія чувства сраданія въ чувство радости прекрасно вскрыты въ типахъ Достоевскаго. Такъ, въ извѣстномъ романѣ его, „Преступленіе и наказаніе“ герой его—Раскольниковъ послѣ долгой страдальческой жизни ощущаетъ въ себѣ, наконецъ, новое, неизвѣстное дотолѣ чувство примиреннаго съ жизнію человѣка. Убивъ старуху — ростовщицу ради желанія узнать опытно: „человѣкъ-ли онъ, тварь-ли онъ дрожащая, или право имѣеть?.. Сможетъ-ли онъ преступить, или не сможетъ?“—Раскольниковъ начинаетъ сильно страдать. Съ одной стороны, ему тяжело за совершенное, съ другой,—боязнь кары закона заставляетъ его скрывать слѣды преступленія. „Я себя убилъ, а не старушенку! Тутъ таки разомъ и ухлопалъ себя на вѣки“:—вотъ мучительная дума Раскольникова. Но на помощь ему является Соня, та Соня, чуткая душа которой еще ранѣе поняла психологію сраданія, которая знала, что желающему спасти человѣка нужно умѣть и простить его слабости и которой Раскольниковъ самъ поклонился когда-то, а въ лицѣ ея „всему великому сраданію человѣческому“, какъ говоритъ онъ самъ. Въ отвѣтъ на вопросъ Раскольникова, что теперь ему дѣлать?—Соня вскрываетъ ему великую христіанскую тайну сраданія. И эта, непонятная сначала для Раскольникова тайна, была въ добровольной рѣшимости взять на себя сраданіе. „Встань, говоритъ Соня Раскольникову, пойди сейчасъ, сію же минуту, стань на перекресткѣ, поклонись, поцѣлуй сначала землю, которую ты осквернилъ, а потомъ поклонись всѣму свѣту, на всѣ четыре стороны и скажи вѣдухъ: „я убилъ“! Тогда Богъ опять тебѣ жизнь пошлетъ“... „Сраданіе принять и искупить себя имъ, вотъ что надо“... „А то жить-то, жить-то какъ будешь! Жить-то съ чѣмъ будешь! Этакую муку нести! Да вѣдь цѣлую жизнь, цѣлую жизнь“! И пока Раскольниковъ не восчувствовалъ своимъ сердцемъ, что иначе и быть не можетъ, если онъ хочетъ освободиться отъ своихъ мучительныхъ сраданій, дотолѣ онъ оставался какъ-бы полуволѣкомъ; то въ немъ развивался паническій страхъ, болѣзненно-мучительная тревога, то на смѣну ея являлась полная апатія къ жизни, похожая на болѣзненно-равнодушное состояніе умирающаго, то, наконецъ, ему хотѣлось убѣжать отъ яснаго полного пониманія своего положенія. Но новое напоминаніе снимавшаго съ Раскольникова показаніе Порфи-

рія Петровича о томъ, что Раскольникову нужно пострадать, что страданіе дѣло хорошее, что въ немъ есть идея, что теперь только воздуху, воздуху, новаго воздуху надо ему, а тамъ ему Богомъ жизнь приготовлена, новая жизнь,—приводить убійцу къ тому, что онъ дѣйствительно „надумываетъ“, какъ предсказывалъ Порфирій, „самъ принять страданіе“ и соглашается съ тѣмъ доводомъ его, что дѣло *въ самомъ человѣкѣ*... Онъ еще задаетъ себѣ вопросъ: „а любопытно, неужели въ эти будущія пятнадцать — двадцать лѣтъ смирится душа моя?... Какимъ-же это процессомъ можетъ такъ произойти, что онъ, наконецъ, предъ всѣми ими уже безъ разсужденій смирится, убѣжденіемъ смирится“? Но отвѣтъ уже зрѣлъ у него: „конечно, такъ и должно быть“... И сложный процессъ психической жизни начался... Онъ позволилъ Сонѣ надѣть на себя крестъ, который она еще ранѣе предлагала ему, готовая страдать вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ крестъ нести, онъ даже „перекрестился нѣсколько разъ“. Правда, Раскольниковъ все дѣлалъ это какъ-то небрежно и по временамъ даже насмѣшливо, но „новое чувство“ однако уже незримо родилось въ немъ и начало свою преобразующую дѣятельность. Когда, разставшись съ Соней, только что надѣвшею на него крестъ, „онъ дошелъ до середины площади, въ немъ вдругъ произошло одно движеніе, одно ощущеніе овладѣло имъ сразу, захватило его всего—съ тѣломъ и мыслию. Онъ вдругъ вспомнилъ слова Сони: „поди на перекрестокъ, поклонись народу, поцѣлуй землю, потому что ты и предъ ней согрѣшилъ, и скажи всему міру вслухъ: „я убійца“! Онъ весь задрожалъ, припомнивъ это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно послѣднихъ часовъ, что онъ такъ и ринулся въ возможность этого цѣльнаго *новаго* (здѣсь невольнo припоминаютъ слова Григорія Богослова: новое, новое что-то) полнаго ощущенія. Какимъ-то припадкомъ оно вдругъ въ немъ подступило, загорѣлось въ душѣ одной искрой, и вдругъ, какъ огонь, охватило всего. Все разомъ въ немъ размягчилось и хлынули слезы. Какъ стоялъ, такъ и упалъ онъ на землю... Онъ сталъ на колѣни среди площади, поклонился до земли и поцѣловалъ эту грязную землю съ наслажденіемъ и счастьемъ. Онъ всталъ и поклонился въ другой разъ“... Прежняго Раскольникова

не стало. Онъ уже не быть „низокъ и гадокъ“, за что раньше презиралъ себя. Онъ сблизился по единству настроенія съ людьми, которыхъ онъ считалъ лучше себя, онъ ласково и смѣлѣе взглянулъ на нихъ. Въ немъ не стало прежнихъ мученій, какъ не стало и прежняго преступленія: мысленно онъ отдѣлился отъ него, добровольно осудилъ его въ самомъ себѣ. „Они (съ Соней въ Сибири), — таковъ конецъ психологическаго процесса примиренія съ жизнью и съ самимъ собою, — хотѣли было, говорить, но не могли. Слезы стояли въ ихъ глазахъ. Они были блѣдны и худы; но въ этихъ больныхъ и блѣдныхъ лицахъ уже сіяла заря обновленнаго будущаго полнаго воскресенія въ новую жизнь... Онъ воскресъ, и онъ зналъ это, чувствовалъ вполне всѣмъ обновленнымъ существомъ своимъ“... „Да и что такое эти всѣ, всѣ муки прошлаго! Все—даже преступленіе его, даже приговоръ и ссылка казались ему теперь, въ первомъ порывѣ, какимъ-то вѣдшимъ, страннымъ, какъ-бы даже и не съ нимъ случившимся фактомъ. Въмѣсто діалектики наступила жизнь и въ сознаниіи должно было выработаться что то совершенно другое“... „Подъ подушкой его лежало Евангеліе. Онъ взялъ его машинально. Онъ даже и не зналъ того, что новая жизнь не даромъ-же ему достается, что ее надо еще дорого купить заплатить за нее великимъ будущимъ подвигомъ,.. Но тутъ уже начинается новая исторія постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомство съ новою, доселѣ совершенно невѣдомою, дѣйствительностію“.. Аналогичный указанному психологическій процессъ претворенія страданія въ радость данъ Достоевскимъ и въ другомъ извѣстномъ романѣ „Братья Карамазовы“ въ исторіи, напримѣръ, Маркелла—брата старца Зосимы. Опасно больной, и до своей болѣзни хвалившійся невѣріемъ, Маркеллъ во время болѣзни, для успокоенія своей горяче вѣровавшей матери, рѣшается однажды сходить въ церковь. Но на почвѣ покорности волѣ матери создается его спасеніе. Внутренній міръ Маркелла началъ преобразовываться. „Измѣнился онъ весь душевно—такая дивная началась съ нимъ вдругъ перемѣна. Войдетъ къ нему въ комнату старая няня: „позволь, голубчикъ, я и у тебя лампадку зажгу предъ образомъ“. А онъ прежде не допускалъ, задувалъ даже.—„Зажигай, милая, зажигай, извергъ

я былъ, что претилъ вамъ прежде"... Мать уйдетъ къ себѣ и все плачетъ... „Матушка, не плачь, голубушка, говорить бывало, много еще жить мнѣ, много веселиться съ вами, а жизнь-то, жизнь-то веселая, радостная!“ „Мама не плачь, есть жизнь есть рай, и всѣ мы въ раю, да не хотимъ знать того, а если-бы захотѣли узнать, завтра-же и сталъ бы на всемъ свѣтѣ рай"... „Матушка, кровинушка ты моя, говорить, кровинушка ты моя милая, радостная, знай, что во истину всякій предъ всѣми и за всѣхъ и за все виноватъ. Не знаю какъ истолковать тебѣ это, но чувствую, что это такъ, до мученія. И какъ это мы жили, сердились и не знали тогда"—вотъ краткая, отрывочная, но понятная исповѣдь больного Маркелла, въ сердцѣ котораго только на время, подъ вліяніемъ какого то знатнаго профессора — философа, заснуло религіозное чувство, въ свое время все таки заявившее о себѣ и спасшее отъ муки отчаянія страдальца. Подобнымъ же образомъ и старое горе Дмитрія Карамазова „великой тайной жизни человѣческой переходитъ постепенно въ тихую умиленную радость“. „Братъ я въ себѣ и въ эти два послѣдніе мѣсяца, говорить готовый выслушать тяжелый приговоръ къ каторгѣ Дмитрій Карамазовъ Алешѣ, новаго человѣка ощутилъ, воскресъ во мнѣ новый человѣкъ. Былъ заключенъ во мнѣ, но никогда-бы не явился, если-бы не этотъ громъ. И что мнѣ въ томъ, что въ рудникахъ буду двадцать лѣтъ молоткомъ руду выколачивать, — не боюсь я этого вовсе, а другое мнѣ страшно теперь: чтобы не отошелъ отъ меня воскресшій человѣкъ... Я не убилъ отца, но мнѣ надо пойти. Принимаю!... О, да, мы будемъ въ цѣпяхъ, и не будетъ воли, но тогда, въ великомъ горѣ нашемъ, мы вновь воскреснемъ въ радость, безъ которой человѣку жить не возможно, а Богу быть, ибо Богъ даетъ радость, это его привилегія, великая... Господи, истай человѣка въ молитвѣ! Какъ я буду тамъ подъ землей безъ Бога? Люблю Его!.. Да и что такое страданіе? Не боюсь его, хотя бы оно было безчисленно. Теперь не боюсь, прежде боялся... И кажется столько во мнѣ этой силы теперь, что я все поборю, всѣ страданія, только, чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ — я есмь, въ пыткѣ корчусь — но есмь. Въ столпѣ сажу, но и я существую"... И эти примиренные съ жизнію страдальцы не исключеніе. Сколько-бы

могла дать жизнь этихъ Карамазовыхъ, Раскольниковыхъ, если-бы нашлись новые Достоевскіе—знатоки человѣческой души! Въ этихъ богатыхъ иллюстраціяхъ богослововъ можетъ черпать обильныя данныя и для сужденія о нравственно-возраждающемъ значеніи страданій и для уясненія причины ихъ, какъ некупительнаго средства въ рукахъ Промыслителя, но намъ нужна только психологія страданія въ цѣляхъ уясненія того положенія, что *добровольныя страданія* смягчаютъ всю остроту чувства страданія. И эта психологія безъ разъясненій достаточно обосновываетъ наше положеніе: если повинный страдалецъ добровольнымъ подвигомъ примиряется съ жизнью, то, разумѣется, подвигъ такъ называемыхъ 'неповинныхъ' страдальцевъ еще выше, еще чище, еще болѣе сближаетъ съ Богомъ. Объ этомъ скажетъ намъ исторія торжества на землѣ христіанской добродѣтели, которая утверждалась только благодаря тому, что свѣтлые идеалы разрушали скорбныя чувства. Торжество и возстановленіе попорченной правды было всегда торжествомъ креста—побѣдою терпѣнія, а иногда и радостью злостраданій міра. Правда, здѣсь можетъ возникнуть вопросъ, требующій особой разработки,—вопросъ о страданіи дѣтей, не знающихъ добровольныхъ подвиговъ. Но этотъ вопросъ устраняется, если мы припомнимъ, что крестившіеся по вѣрѣ своихъ воспріемниковъ, по ихъ-же вѣрѣ, какъ-бы замѣняющей на первыхъ порахъ ихъ вѣру, безъ особой вины несутъ муки страданія и тѣмъ самымъ сострадаютъ Христу и участвуютъ, по идеѣ состраданія, въ общемъ міровомъ злѣ, отдають дань, безъ которой ни одинъ праведникъ не покидалъ этого міра. Нами отмѣчены существенные моменты сложнаго психологическаго процесса, посредствомъ котораго христіанинъ приходитъ къ полному примиренію съ страданіями и чрезъ который совершается какъ-бы подмѣнъ чувства страданія чувствомъ радости. Однако этимъ еще не исчерпана психологія страданія. Житейскій опытъ знакомитъ насъ съ извращеніями чувства страданія, а слово Божіе предостерегаетъ христіанъ отъ такого ненормальнаго чувства.

Вышеуказанными же словами евангельскаго призыва къ самоотверженію указывается не только путь къ самоусовершенствованію, но возвѣщается Христомъ и иная, горькая

для одинокихъ страдальцевъ вѣка сего, забывающихъ Своего Господа, истина: если кто не хочетъ отказываться отъ сомнительныхъ благъ скоротечной жизни, тотъ можетъ, конечно, не брать и креста своего, того креста, который налагаетъ на насъ жизнь и облегчаетъ Божественный Страдалецъ, когда учить насъ претворять страданія въ радость, когда указываетъ путь, по которому прошелъ Онъ, чтобы облегчить наше иго и бремя страданій и когда предлагаетъ благодатное врачевство отъ скорбей и страданій. Но тотъ кто не несетъ креста своего еще не избавляется отъ злостраданій вообще, потомучто, какъ сказано, крестъ возлагаетъ на насъ не Христосъ, а сама жизнь, гдѣ мы являемся какъ-бы мореплавателями, неизбѣжно сталкивающимися съ волнами мірового зла, широкою волною разливающимся вмѣстѣ съ грѣхомъ. И такъ-какъ человѣкъ инстинктивно чувствуетъ, что въ мірѣ зла нельзя жить безъ борьбы съ страданіями и такъ какъ онъ даже самъ подчасъ готовъ искать, по мѣткому выраженію Достоевскаго, страданій, когда, напримѣръ, изъ сердца его, какъ у Власа, грянетъ громъ обличенія, то, естественно, безъ Христа у него является превратный взглядъ на страданіе: въ немъ развивается, обыкновенно, или фанатическое чувство, или психопатологическая жажда страданія ради самаго страданія, или-же, наконецъ, при слабости воли, даже фаталистическая покорность случаю, когда человѣкъ, молча, съ затаенною мукою несетъ свои страданія, а иногда—и это не рѣдкость въ наше время—дѣлаетъ преждевременный расчетъ съ непоятою, скорбною жизнью. И такія печальныя извращенія чувства страданія нерѣдки и изученіе этихъ особыхъ случаевъ душевной жизни человѣка не лишено значенія и въ данномъ случаѣ, поскольку содѣйствуетъ большому уясненію особенностей сложнаго психологическаго процесса претворенія чувства страданія въ чувство радости.

Что касается случаевъ перваго рода, то они общезвѣстны. Достаточно напомнить, напримѣръ, о самонистязаніяхъ индусскихъ аскетовъ, о культурахъ Малої Азіи, гдѣ употреблялись различныя кровавыя средства для возбужденія энтузіазма¹⁾,

¹⁾ Ср. „Психологія чувствъ“ Рибо, стр. 344—345; ср. также стр. 347—350, гдѣ выясняется психолія фанатизма.

о нашихъ русскихъ самосожигателяхъ ¹⁾ и различныхъ секантахъ, которые подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма произвольно опредѣляютъ форму своимъ страданіямъ (Тираспольское дѣло) и терпѣливо несутъ ихъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ фанатикамъ не достаетъ, очевидно, яснаго пониманія того, что *страданія ми совершенствуется жизнь, а не отрицается* и что, по святоотеческому изреченію, „человѣкъ, какъ и сильно пущенная стрѣла, можетъ не попасть въ цѣль, когда залетаетъ далѣе заповѣди Христа“. Обильныя и яркія иллюстраціи психопатологической жажды страданія имѣются въ высоко-художественныхъ типахъ Достоевскаго, которые внимательно изучаются теперь не только русскими, но и иностранными психіатрами. „Есть люди, которые въ своей раздражительной обидчивости находятъ чрезвычайное наслажденіе и особенно когда она въ нихъ доходитъ до послѣдняго предѣла; въ это мгновеніе имъ даже, кажется, пріятнѣе быть обиженными, чѣмъ необходимыми“—это лишь общее положеніе великаго романиста—психолога по вопросу объ извращеніи чувства страданія, а вотъ и его иллюстрація. „Я человѣкъ больной... Я злой человѣкъ... Непривлекательный я человѣкъ“, начинается свой монологъ мнительный до болѣзненности авторъ записокъ изъ подполья. „Я думаю, что у меня болитъ печень... Я не лечусь и никогда не лѣчился, хотя медицину и докторовъ уважаю... Нѣтъ-съ я не хочу лѣчиться со злости. Вотъ вы этого, навѣрно, не изволите понимать. Ну-съ, а я понимаю“... „Я до того доходилъ, продолжаетъ ниже авторъ записокъ изъ подполья, что *горечь обращалась, наконецъ, въ какую-то позорную проклятую сладость* и, наконецъ, въ рѣшительное, серьезное наслажденіе! Да, въ наслажденіе, въ наслажденіе! Я стою на томъ!“... „Я вамъ объясню, наслажденіе, бываетъ тутъ именно отъ слишкомъ яркаго сознанія своего униженія... Чѣмъ объясняется тутъ наслажденіе? Но я объяснюсь. Я такъ доведу до конца! Я и перо затѣмъ въ руки взялъ“. „Да вы послѣ этого и въ зубной боли отыщете наслажденіе!“—воскликните вы со смѣхомъ. А что-жь? И въ зубной боли есть наслажденіе, отвѣчу я“... „Тутъ, конечно, не молча

¹⁾ Напр. см. П. Смирнова „о самоистребленіи въ Русскомъ расколѣ“. Христ. чт. 1895 г. ср. его же „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.“ 1898 г. Спбурзь, стр. 063—071.

злятся, а стонуть; но это стоны не откровенные, эти стоны съ ехидствомъ, а въ ехидствѣ-то и вся штука. Въ этихъ стонахъ выражается наслажденіе страждущаго, не ощущаль-бы онъ въ нихъ наслажденія,—онъ-бы и стонать не сталъ, Это хорошій примѣръ, господа, и я его разовью. Въ этихъ стонахъ выражается, во-первыхъ, вся для вашего сознанія унижительная безцѣльность вашей боли, вся законность природы, на которую, вамъ, разумѣется, наплевать, но отъ которой вы всетаки страдаете, а она-то нѣтъ. Выражается сознаніе, что врага у васъ не находится, а что боль есть; сознаніе, что захочетъ кто-то и перестануть болѣть ваши зубы, а не захочетъ, такъ и еще три мѣсяца проболеть“... „Ну-съ вотъ отъ этихъ-то кровавыхъ обидъ, вотъ отъ этихъ-то насмѣшекъ, неизвѣстно чьихъ, и начинается, наконецъ, наслажденіе, доходящее иногда до высшаго сладострастія. Я васъ прошу, Господа, прислушайтесь когда нибудь къ сто-намъ образованнаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, страдающаго зубами, этакъ на второй или на третій день болѣзни, когда онъ уже начинаетъ не такъ стонать, какъ на первый день стоналъ, то-есть не просто отъ того, что зубы болятъ... Стоны его становятся какіе то скверные... И вѣдь знаетъ, что онъ напрасно только себя и другихъ надры-ваетъ и раздражаетъ... Что всё семейство его понимаетъ, что онъ могъ-бы иначе, проще стонать, безъ ругады и безъ вы-вертовъ, а что онъ только такъ со злости, съ ехидства ба-лдуется. Ну, такъ вотъ въ этихъ-то всѣхъ сознаніяхъ и по-зорахъ и заключается сладострастіе. „Дескать, я васъ без-покою сердце вамъ надрываю, всѣмъ въ домѣ спать не даю. Такъ вотъ не спите же, чувствуйте-же и вы каждую ми-нуту, что у меня зубы болятъ. Я для васъ уже теперь не герой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гаденькій человѣкъ, шенпанъ. Ну, такъ пусть-же! Я очень радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слушать мои стоны? Ну, такъ пусть скверно; вотъ я вамъ сейчасъ еще сквернѣй ру-ладу сдѣлаю“... Не понимаете и теперь господа? Нѣтъ, видно надо глубоко доразвиться и досознаться, чтобы понять *всѣ изгибы этого сладострастія*“... „Человѣкъ иногда ужасно лю-бить страданія, до страсти, и это фактъ. Тутъ уже и съ всемірною исторіей справляться нечего; спросите себя са-мага, если только вы человѣкъ и хоть сколько нибудь жили.

Что-же касается до моего личнаго мнѣнія, то любить только одно благоденствіе даже какъ-то и неприлично. Хорошо-ли дурно-ли,—но разломать иногда что нибудь очень пріятно. Я вѣдь тутъ собственно не за страданіе стою, да и не за благоденствіе. Стою я... за свой капризъ и за то, чтобъ онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится“... Это и подобнаго рода настроеніе, при которомъ сами вызываютъ и развиваютъ въ себѣ чувство страданія, о которомъ, между прочимъ, говоритъ и авторъ записокъ изъ подполья, „свойственно, по замѣчанію Рибо ¹⁾, не только пресыщеннымъ людямъ и эпохамъ утонченной цивилизаціи: оно, повидимому, присуще и человѣчеству, едва вышедшему изъ состоянія варварства. Булье нашель указанія на это настроеніе уже у древнихъ авторовъ, и не только у Лукреція, Сенеки и другихъ моралистовъ, но и въ поэмахъ Гомера, въ которыхъ встрѣчается наслажденіе своими слезами... Чѣмъ дальше развивается цивилизація, тѣмъ оно становится чаще“. Чтобы не останавливаться на однихъ обобщеніяхъ, мы позволимъ себѣ указать на одну историческую личность — Жерома Кардана, жившаго въ эпоху Возрожденія, который говоритъ, напримѣръ, въ своей автобіографіи, что онъ не могъ обойтись безъ страданія; потребность эта доходила до того, что всякая боль казалась ему облегченіемъ. Поэтому онъ пріучилъ себя въ минуты такого состоянія истязать свое тѣло до тѣхъ поръ, пока это не вызывало у него слезъ ²⁾. Что касается наслажденія нравственными страданіями, то здѣсь можно указать на поэтовъ, мечтателей, которые любятъ состояніе сладкаго упоенія своею печалью ³⁾. Психологія въ лицѣ, напримѣръ, Булье, Гамильтона, Крафта, Эбинга, Спенсера, Рибо, и др. давно уже пыталась дать научное объясненіе упоенію собственнымъ страданіемъ, какъ удовольствіемъ. При всемъ разнообразіи и противорѣчивости сужденій, высказанныхъ по этому вопросу ⁴⁾, во всѣхъ нихъ остается несомнѣнно общимъ признаніе того, что, какъ явленіе исключительное, упоеніе собственнымъ страданіемъ должно быть признано и явленіемъ ненормальнымъ, въ ос-

1) Рибо, „Психологія чувствъ“, стр. 70—71 и далѣе.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Нѣкоторыя изъ этихъ сужденій приведены у Рибо.

новѣ котораго чаще всего лежитъ самый утонченный капризъ и недовольство дѣйствительностью.

Нѣтъ также недостатка въ художественныхъ, теперь нерѣдкихъ и въ жизни, типахъ страдальцевъ-фаталистовъ. Наиболѣе выразительное очертаніе этого типа дано Сенкевичемъ въ его общеизвѣстномъ романѣ „Безъ догмата“. Глубоко интересна здѣсь откровенная исповѣдь скептика Леона Плошова—героя этого романа, которая ясно показываетъ, къ чему приводитъ людей жизнь „безъ догмата“, безъ опредѣленныхъ религіозныхъ основъ. Леонъ—этотъ своеобразный страдалецъ—ясно сознаетъ, что „непрерывная и мучительная критика самого себя, лишаетъ его возможности жить и чувствовать всѣмъ своимъ существомъ“. „Я ношу въ себѣ двухъ людей, говоритъ о себѣ Плошовъ, изъ которыхъ одинъ вѣчно все взвѣшиваетъ и критикуетъ, другой—живетъ полужизнью и теряетъ всякую рѣшительность“... „Религіозныя вѣрованія, которыя я вынесъ нетронутыми изъ Мецкаго коллежа, не уцѣлѣли отъ столкновения съ естественно-философскими книгами. Изъ этого не выходитъ, чтобы я былъ скептикомъ, — о, нѣтъ! Въ прежнія, давно минувшія времена, если кто нибудь не признавалъ духа, тотъ говоритъ себѣ: матерія—и успокаивалъ себя этимъ словомъ. Теперь только самые отсталые философы стоятъ на такой отсталой точкѣ зрѣнія. Теперь философія такихъ вещей не обсуждаетъ, отвѣчаетъ на жгучіе вопросы словомъ „не знаю“, и это „не знаю“ вкореняется въ человѣческую душу. Вотъ теперь мнѣ будетъ легко обрисовать умственное состояніе: не знаю, не знаю, не знаю... И здѣсь-то въ этой сознательной немощи человѣческаго разума заключается трагедія, не говоря уже о томъ, что наша духовная природа всегда настоятельно и громко требуетъ отвѣта на предъявляемые вопросы, ибо въ этихъ вопросахъ заключается огромное реальное значеніе для человѣка. Если на той сторонѣ есть что то, и что то вѣчное, то несчастія и утраты на этой сторонѣ уменьшаются до нуля. Можно было-бы къ этому примѣнить слова Гамлета: „такъ пусть-же сатана ходитъ въ траурѣ, я же надѣну соболью мантию“. „И соглашаюсь на смерть, говоритъ Ренанъ.—но пусть мнѣ скажутъ, на что она пригодится“.—А философія отвѣчаетъ: „не знаю“. Человѣкъ мятется въ этомъ великомъ незнаніи, чувствуя, что если бы могъ перейти на какую нибудь сторону,

то ему стало бы легче и спокойнѣе. Но что-же ему дѣлать?... Ты (философія), словно каленымъ желѣзомъ выжгла во мнѣ тѣ нервы духа, которыми вѣрятъ безхитростно, просто, и теперь, еслибъ я и хотѣлъ повѣрить, то не могъ-бы,—мнѣ нечѣмъ вѣрить. Ты позволяешь мнѣ ходить къ обѣдни, если у меня явится охота, но отравила скептицизмомъ до такой степени, что сегодня я скептически отношусь не только къ самому себѣ, но и къ своему скептицизму, и не знаю, не знаю, не знаю... и мучусь, и шалѣю въ этой тѣмѣ"... „Мнѣ кажется, что я коснулся язвы и моей собственной, и всеобщей человѣческой души"... „Нашъ скептицизмъ—не открытое отрицаніе: это скорѣе болѣзненное и мучительное подозрѣніе, что можетъ-быть ничего нѣтъ: это—густая мгла, которая окружаетъ нашу голову, гнететъ нашу грудь и закрываетъ свѣтъ отъ нашихъ глазъ. И я простираю руки къ солнцу... И думаю, что молитву многихъ, очень многихъ, можно было-бы выразить въ трехъ словахъ: Боже, разсѣй тьму"... „Душа моя влачитъ одно крыло по землѣ"... Разобравшись въ своемъ всеотрицающемъ скептицизмѣ, Леонъ приходитъ къ полному сознанію своего безсилія въ дѣлѣ разрѣшенія жизненныхъ задачъ, потомучто „умъ его теряется въ лабиринтѣ мелочей“, „волѣ не на чѣмъ опереться“ и поступки зависятъ у него уже отъ нервовъ, или же—отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. А это уже рѣшительный фатализмъ, характеризуемый, съ одной стороны, жаждою свободы отъ тѣхъ злостраданій, которыя порождаются столкновеніемъ личныхъ стремленій съ обстоятельствами жизни, а съ другой,—сознаніемъ своего безсилія освободиться отъ нихъ, замѣнить ихъ чѣмъ-либо. Въ этой коллизіи стремленийъ съ жизнью и въ этой слабости воли, подчиняющей человѣка суровой дѣйствительности и заключается трагизмъ, отъ котораго человѣкъ однако освободиться не можетъ и съ которымъ, поэтому, даже свыкается, потомучто у него нѣтъ высшихъ руководящихъ мотивовъ, могущихъ освѣтить ему смыслъ скорбной жизни и указать изъ нея выходъ. Здѣсь уже начинается страданіе пассивное, безъ сопротивленія дѣйствительности. „Я самъ коваль цѣпь“, говоритъ Леонъ, когда къ его религіозно-философскому „не знаю“ присоединилось одно личное „не знаю“, когда въ немъ загорѣлась любовь къ героинѣ романа—любовь съ отчаяніемъ"... „Если

бы я былъ здоровѣе душой и тѣломъ, менѣе свихнуть, болѣе нормаленъ, то, можетъ быть, и вырвался бы... Но теперь я и усилій даже не сдѣлаю“. Такое явленіе вполне понятно и будетъ повторяться тѣмъ чаще, чѣмъ на свѣтѣ будетъ больше людей подобныхъ Плошову, то есть „из-анализировавшихся скептиковъ и историковъ, въ чьихъ душахъ великое ничто, а въ крови великій неврозъ“. И Леонъ Плошовъ дѣйствительно не находитъ выхода изъ гнетущихъ его обстоятельствъ жизни. Правда, когда счастье ему, повидимому, улыбнулось, когда для него засвѣтилась возможность навсегда соединиться съ любимой женщиною, онъ еще какъ-будто ободряется, но и здѣсь остается фаталистомъ: „я испытываю теперь такое впечатлѣніе, какъ будто меня и всѣхъ окружающихъ несетъ какая то громадная волна, затопляющая человѣческую волю и человѣческія усилія“. И такъ какъ жизнь въ концѣ концовъ все же обманула, какъ это часто бываетъ, героя „безъ догмата“, то Плошовъ, долго переносившій свои душевныя терзанія, рѣшается сдѣлать расчетъ съ этой жизнью и заглушить остроту страданія. И ему кажется, что этотъ расчетъ съ жизнью долженъ быть совершенъ по приговору какой-то могущественной, но неизвѣстной ему силы, которая въ существѣ дѣла была, такъ сказать, *фальшивымъ отраженіемъ его собственнаго безсилія*. И этотъ произвольный расчетъ съ жизнью омрачается еще новымъ мучительнымъ самообвиненіемъ не только въ томъ, что въ немъ не было житейскихъ основъ, а еще и въ томъ, что онъ былъ причиною потрясеній, убившихъ любимую имъ женщину. „Я могъ быть твоимъ счастьемъ и стать твоимъ несчастьемъ. Это я причина твоей смерти, потому что еслибъ я былъ другимъ человѣкомъ, еслибъ у меня не было недостатка въ жизненныхъ основахъ, на тебя не обрушились бы тѣ потрясенія, которыя убили тебя. Это я понималъ во время послѣднихъ минутъ твоей жизни,—понималъ, и поклялся идти за тобою“... „Или мы вмѣстѣ погрузимся въ ничто, или пойдемъ вмѣстѣ одной дорогой, а здѣсь, гдѣ мы столько пострадали, пусть послѣ насъ останется только молчаніе“. Такой же образецъ душевной слабости и безпринципности представляетъ типъ Раскольникова до его возрожденія, когда онъ подъ вліяніемъ глубокаго душевнаго угнетенія, подъ вліяніемъ навязчивыхъ идей объ убійствѣ и потомъ о со-

крытіи преступленія, то ищетъ самоубійства, то ходитъ къ Сонѣ, стараясь такъ или иначе разрѣшить гнетущіе его вопросы ¹⁾. Всѣ жалкіе страдальцы подобнаго рода, говоритъ Ламартинъ въ гимнѣ скорби, лишь обременяютъ землю, но не живутъ на ней. Они носятся въ жизни, какъ въ облакахъ и страдаютъ отъ того, что, когда измѣняютъ всѣ средства, не умѣютъ

„Вновь подкрѣпить свои силы горячимъ потокомъ слезъ.
Они не умѣютъ бороться съ своимъ собственнымъ сердцемъ,
Не умѣютъ вознести къ небу умоляющій вопль

И, собравъ послѣднія усилія, утвердиться на слабѣющихъ
ногахъ,

Опереться на препятствіе и устремиться вдалѣ“ ²⁾.

Эта мучительная борьба страдальца-фаталиста съ гнетущею его дѣйствительностью, разрѣшающаяся напрасною затратою душевной энергіи, вызывается, какъ видно, тѣмъ, что въ немъ нѣтъ догматовъ, нѣтъ жизненныхъ основъ. Въмѣсто глубокихъ религіозныхъ убѣжденій у него остается только одинъ скептицизмъ, который, по словамъ Леона Плошова, точитъ душу человѣка, какъ баццлла, разлагаетъ и уничтожаетъ силу ея сопротивленія случайностямъ и въ концѣ концовъ отравляетъ самого же скептика. Конечно, фаталистъ-страдалецъ, какъ и каждый страждущій человѣкъ, жалокъ. Но въ существѣ дѣла въ его страданіи нѣтъ никакой жертвы за идею, оно не подчинено здѣсь какой нибудь высшей цѣли, напримѣръ: „вѣрованію, любви къ близкимъ или вообще къ людямъ, любви къ родинѣ — оно является здѣсь простымъ самоуничтоженіемъ, желаннымъ освобожденіемъ, къ которому человѣкъ стремится *только ради самого себя*“, то есть, ради своего эгоизма ³⁾.

Если мы сведемъ къ единству сказанное по вопросу объ извращенномъ, ненормальномъ чувствѣ страданія, то увидимъ, что ни *произволъ* фанатика, самовольно измышляющаго себѣ особыя формы страданія, ни болѣзненно-страстное *самоуслажденіе* страданіемъ, ни *фаталистическая покорность* скорбной дѣйствительности, разрѣшающаяся обыкновенно

¹⁾ Характеристику этого типа съ точки зрѣнія психіатріи см. въ Русск. Мысли, 1901 г. Іюль „Душевная слабость и ея значеніе“, Муратова.

²⁾ Ср. Олѣ-Ляпрювъ, „Цѣнность жизни“, Русск. пер., Харьковъ, 1898 г. стр. 174—175.

³⁾ Рибо „Психологія чувствъ“, стр. 264.

слабовольною апатією къ жизни, не имѣють ничего общаго съ основными моментами душевной жизни страждущаго христіанина. Каждый изъ страдальцевъ указаннаго типа имѣеть *свой особый символъ*, которымъ исповѣдуетъ свою вѣру. Христіанинъ не изобретаетъ себѣ, какъ фанатикъ, на показъ всему свѣту, страданій, но и не отказывается отъ нихъ, если они неизбѣжны; онъ не услаждается горечью своихъ слезъ, которыя часто источаетъ сомнительное горе, но онъ и не боится ихъ — онъ знаетъ врачество отъ этой горечи, если уже ему надлежитъ переживать ее; онъ не падаетъ въ безсиліи предъ страданіями и не порабощаетъ имъ свою волю, какъ фаталистъ, но онъ и не упорствуетъ предъ ними, онъ пріучаетъ свою волю сживаться съ ними и въ то же время возвышаться надъ ними, препобѣждать ихъ, если провидѣніе посылаетъ ихъ. Онъ добровольный крестовосецъ, свободный отъ произвола и предрасудковъ; онъ знаетъ, что *sine dolore non vivitur in amore*, что безъ страданія и скорби не бываетъ торжества любви, потому что любовь резюмируетъ все благородное, прекрасное и великодушное, а жизнь добродѣтельная, благородная не бываетъ безъ скорби.. 1) Но эта скорбь такова, что и при ней торжествующее надъ страданіями истинно-христіанское настроеніе терпѣнія и смиренія, любви и радости заставляетъ вѣрующаго цѣнить жизнь и среди страданій. Онъ даже какъ-бы опирается на страданія и не для того, конечно, чтобы, основываясь на нихъ, какъ судья на показаніяхъ преступника и свидѣтелей, препираться съ жизнью, но для того только, чтобы устремить свой взоръ вдаль и во имя вѣчности благословить жизнь, какъ даяніе благо, хотя-бы эта жизнь и давалась за скорбь и слезы. Поэтому-то религіозный умъ и принимаетъ жизнь, при всѣхъ ея скорбяхъ и мукахъ, не съ отчаяніемъ, но съ благодарностью и благословеніемъ, не какъ суетная жена Іова, но какъ самъ Іовъ. И это, конечно, потому, что христіанская религія приноситъ духу человѣческому не отчаяніе, не смерть, не ненависть и презрѣніе, но утѣшеніе, но жизнь, силу и радость жизни 2). Религіозно-

1) Ср. Олз-Ляпрювъ, „Цѣнность жизни“, перев. подъ редакціей А. И. Введенскаго. Харьковъ, 1898 г. стр. 174—175.

2) Ср. Астафьевъ, „Страданіе и наслажденіе жизни“, стр. 62.

настроенное сердце со вѣмъ примиряется, кромѣ именно ненависти, отчаянія и отрицанія. Вотъ почему христіанинъ въ людской злобѣ и въ міровомъ злѣ распознаетъ побѣдное торжество страдающей, но страданіемъ побѣждающей зло, правды, въ скорби предчувствуетъ утѣшеніе, въ смертельномъ недугѣ прозрѣваетъ вѣчную жизнь, въ послѣднемъ вздохѣ слышитъ вѣяніе вѣчности, въ страданіи умирающаго дитяти предоощаетъ его вѣчное блаженство—словомъ, въ каждомъ скорбномъ явленіи жизни привычно для него пронизательностію онъ отыскиваетъ высшій отрадный смыслъ—оплотъ торжествующей надъ страданіями вѣры. Вотъ, быть можетъ, почему отъ одной изъ самой великой эпохъ страданія — отъ эпохи гоненія нѣтъ памятниковъ отчаянія христіанина. Безмолвныя теперь Римскія катакомбы, по свидѣтельству извѣстныхъ ученыхъ изслѣдователей ихъ (напр. Росси), ни слова не говорятъ о перенесенныхъ въ нихъ страданіяхъ; отъ религиозныхъ изображеній до надписей—все тамъ „имѣетъ утѣшающее, обнадеживающее значеніе и скорѣе радостный веселый характеръ, чѣмъ печальное настроеніе“¹⁾.

Современный человѣкъ утомительной погоней за текущимъ счастьемъ напрасно разжигаетъ въ себѣ болѣзненную жажду безпечальной жизни. Онъ хочетъ видѣть въ жизни одинъ только сплошной праздникъ. Осужденный позднѣйшей исторіей древній римлянинъ, кричавшій когда то предъ дворцемъ Цезаря: „хлѣба и зрѣлищъ“ — едва-ли останется одинокомъ и въ наше время... Разслабленная воля искателя счастья не знаетъ той таинственной лѣстницы, которая соединяетъ горе съ внутреннимъ міромъ, страданіе съ радостью и даетъ возможность отлагать и чувство страданія въ общую экономію облагораживающихъ чувство. Неудивительно поэтому, что неумѣющій оправдать неизбѣжныхъ страданій не умѣетъ оправдать и своей жизни, если онъ, разбивая свою вѣру въ утѣшеніе свыше и забывая храмы скорби, охотно идетъ въ храмы радости и веселія, гдѣ служить „невѣдомому“ Богу... Но новый Апостолъ не будетъ возвѣ-

¹⁾ Римскія Катакомбы, Фрикенъ, 1872 г. Москва, ч. 1-я, стр. 50.

щать „вѣдомаго“ намъ Бога, потому что Онъ уже возвѣщенъ; новое евангеліе не будетъ указывать врачество отъ нашихъ страданій, потому что оно уже давно указано. Для этого нужна только добровольная рѣшимость на принятіе *своего* креста страданій и твердая вѣра, которая могла бы побѣдить міръ... И тогда каждый изъ вѣрующихъ отторгнетъ, какъ Фаустъ, въ великомъ произведеніи Гёте, при звукахъ молитвы вѣрныхъ, славящихъ воскресеніе, отъ устъ своихъ поднятую чашу съ ядомъ сомнѣнія, изъ которой онъ хотѣлъ выпить смерть и забвеніе и убѣжденно произнесетъ:

„Ты чистая, божественная радость
Звучи—какъ встарь—въ дни безпечальнаго дѣтства
и глубокой вѣры—звучала надо мной,
Слеза, земля... я снова твой.

Димитрій Введенскій.
